



ГЛАВА 1

Солнце опускается за Тайгетский хребет, подсвечивая небо золотом, а на мои плечи тем временем ложится необходимость отстоять честь семьи.

Вызывающие слова Лику будто повисают в воздухе. Веселье и смех, всегда царящие на празднике Карнеи¹, сменяются тихим шепотом — толпа вокруг нас ожидает моего ответа.

Лику криво усмехается мне и берет из рук педонома² Леонида дори³ — трехметровое копье из дерева с металлическим наконечником, которое с легкостью ломает кости. В его вызове нет злого умысла, скорее, желание испытать меня. Мы часто, шутя, пытались выяснить, кому из нас удастся одержать победу в поединке.

Алкей стоит среди толпы. Мой старший брат едва заметно качает головой и поджимает губы. Если я приму вызов, то буду вынуждена продемонстрировать, что знаю куда больше, чем мне следовало бы знать. Я ведь мофака⁴ — та, кто родилась за пределами Спарты, — не удочери меня эфор⁵, меня

¹ Праздник, проводившийся в Спарте в честь бога Аполлона. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

² Главный наставник в спартанской военной школе.

³ Трехметровое копье, которое использовали спартанские пехотинцы. Обычно делалось из дерева с железным наконечником и бронзовым наконечником на обратной стороне.

⁴ Мофаками называли людей, которые родились не в Спарте, и поэтому были лишены многих гражданских прав спартанцев, однако тем не менее обладали достаточной степенью свободы.

⁵ Выборная должность исполнительной власти в Спарте.

КЛЭР ЭНДРЮС

ждала бы незавидная участь рабыни. У приемной дочери все же больше свободы, хотя и немногим.

Впрочем, отказаться, не отвечать на вызов Лику я тоже не могу — этого не позволяет мне гордость.

— Глупцы, — бормочу я, одновременно обращаясь и к брату, и к Лику, а также ко всем зевакам, которые недооценивают мою решимость. Мою волю к победе.

Ведь сейчас Карнеи, и мне выпал лучший шанс показать Спарте и богам, на что я способна.

Слуги ходят между кострами, окружающими импровизированную арену, пылающие факелы отделяют нас от толпы зрителей. В душающей жаре раннего лета моя кожа становится липкой от пота и, как янтарь, отражает свет пламени. Я беру дори, которое передает мне заслуженный полководец — педоном Леонид, и на пробу кручу оружие в руке, ощущая приятное напряжение в мышцах. Лицо Алкея темнеет, искаженное гримасой гнева.

Лику не позволяет мне атаковать первой. Он прыгает через арену и замахивается копьем. Даже удара по касательной достаточно, чтобы завершить поединок и объявить победителя. Я едва успеваю откатиться, с такой силой ударяюсь плечом о землю, что перехватывает дыхание. Прежде чем он успевает снова перейти в атаку, я наотмашь бью его по ногам.

Он ускользает от моего удара. Я вскакиваю на ноги. Лику целится мне в грудь, но я отпрыгиваю назад. На этот раз я замахиваюсь что есть мочи и слышу, как Лику смеется.

Я сдерживаю желание зашипеть сквозь стиснутые зубы. Колени слегка дрожат, мышцы ног болят после утренних упражнений, растрепавшиеся волосы закрывают обзор. У меня нет времени даже вытереть пот со лба, хотя он вот-вот просочится в глаза, которые я ни на секунду не свожу с противника.

Лику ловко перебрасывает дори в левую руку и без промедления пытается ударить меня в бок. Я едва уклоняюсь от

ДОЧЬ СПАРТЫ

выпада, все мое тело пронзает мучительная боль, пока я качусь по камням и земле. Затем я снова принимаю боевую стойку. Острый металлический наконечник, сверкнув, пронзает воздух в том месте, где я стояла еще мгновение назад.

Позер! А ведь этот мерзавец правша.

Не отрывая от него взгляда, я тоже переключиваю копье в левую руку, невзирая на содранные мозоли на ладони. Подавив гримасу боли, легким движением я поднимаю левую руку вверх. Плечо болит — на нем, словно цветок, уже распускается синяк размером с плод граната. Лику танцует вокруг меня и явно бережет правую ногу — он разбил колено, уклоняясь от моего удара.

Громкие радостные крики вокруг нас оглушают, едкий запах дыма щекочет ноздри. Со всех сторон слышатся свист и вопли солдат — друзей Лику, пыль поднимается в воздух под яростным топотом их ног. Даже царь Менелай в мрачном молчании наблюдает за схваткой с возвышающегося над толпой помоста, а его прекрасная жена, царица Елена, наклоняется вперед и прижимает руки к груди.

Карнеи — праздник, который каждый год устраивается в честь бога Аполлона, — только начался; наша с Лику схватка становится первым развлечением этого вечера. За пределами арены гостей праздника ждут танцы, угощения и прочие радости, но никто не спешит ими насладиться.

Поединок между мужчиной и женщиной давно уже не длился так долго, к тому же это первая схватка мофаки против настоящего спартамца.

Перед свистящей улюлюкающей толпой я чувствую себя голой, их издевки пронзают мои одежды проворнее любого кинжала. Хотя многие спартамцы, как мужчины, так и женщины, предпочитают участвовать в поединках нагими, на мне — хитон¹ цвета красного мака, плотно облегающий грудь

¹ Одежда у древних греков из прямоугольного куска льняной или шерстяной ткани, который закреплялся пряжками на плечах и подпоясывался.

КЛЭР ЭНДРЮС

и такой короткий, что его складки легко струятся по моим бедрам. На левой руке у меня широкий бронзовый браслет, крепко обхватывающий запястье и сияющий в свете факелов. На браслете выгравирована фамилия моей приемной семьи: «ДИОДОР», — и это единственный знак отличия, указывающий на мое положение, который я позволила себе надеть. Остальные украшения только мешали бы.

Лику по-прежнему ухмыляется. На нем абсолютно черный хитон, почти полностью обнажающий мускулистую грудь, шерстяная ткань липнет к его вспотевшей коже. Как же мне хочется поскорее стереть эту глупую улыбочку с его лица! Я парирую его следующую атаку, разворачиваюсь и наносю удар высоко поднятой рукой так, что ему приходится пригнуться, чтобы избежать встречи с моим копьем. Теперь со всех сторон я слышу восторженные оглушительные крики зрителей.

Я стараюсь не сводить взгляда с напряженных мускулов на его ногах. С преувеличенной гримасой боли я слегка опускаю ушибленное плечо, предлагая ему удобную мишень. Лику бросается вперед, как я и предполагала, легко заглотив наживку. Он метит мне в поврежденное плечо.

Идиот!

Я изгибаюсь и замахиваюсь копьем, чтобы поразить его в прыжке, когда он окажется рядом. Лику испуганно вскрикивает и пытается изменить траекторию полета, но мое дори успевает полоснуть его по боку, разорвав короткий хитон одним победоносным ударом.

Все зрители — и мужчины, и женщины — издают громкие стоны. Лику швыряет свое дори на землю, поднимая облако пыли. Поражение лишило его прежней уверенности в себе. Я не решаюсь похлопать его по спине и как-нибудь утешить. Алкей исчез, и я не сомневаюсь, что он не упустит возможности отчитать меня. Менелай по-прежнему сидит на деревянном помосте и смотрит на меня строгими темными глазами, а затем кивает своим советникам. Я не знаю, что оз-

ДОЧЬ СПАРТЫ

начает этот кивок, но мне достаточно того, что анакс¹ — мой владыка — стал свидетелем моей победы.

Чувство триумфа постепенно испаряется, полные ненависти взгляды и насмешки зрителей обжигают, точно огонь. Я не позволяю их злобе влиять на меня. В обществе, где решающей считается сила, на меня должны смотреть точно так же, как на мужчин, вместе с которыми и против которых я сражаюсь. Я родилась мофаккой, чужаком, и это единственное оружие, которое они могут использовать против меня, но только если сама это допущу.

Высоко подняв голову, я бросаю свое дори на землю рядом с дори Лику и направляюсь в сторону зрителей.

Педоном Леонид хватает меня за руку. Он кивает в сторону царя и царицы:

— Не забывай свое место, мофака.

Больше ему ничего не нужно говорить, я и сама знаю, что даже приемная дочь политика способна добиться больших высот, если будет вести себя соответствующим образом. Стиснув зубы, я поворачиваюсь и преклоняю колени перед Менелаем. Мои щеки пылают, но не от напряженной схватки. Леонид не стал требовать поклонов от Лику.

Когда я собираюсь уйти, он снова останавливает меня.

— Ты хорошо сражалась, Дафна Диодор. Даже твои братья могли бы кое-чему поучиться у тебя, — меня хвалит сам педоном, это большая честь. Правда, не обходится и без ложки дегтя: — Но твои движения непродуманны, безрассудны. Ты должна просчитывать не только действия противника, но и свои собственные.

Я открываю рот, желая сказать, что Лику тоже неплохо было бы воспользоваться этим советом, но он перебивает меня:

— Прежде чем ты упомянешь Лику, знай: я не устаю повторять ему, твоим братьям и всем солдатам Спарты то же самое. — Леонид скрещивает на груди свои тяжелые муску-

¹ Царь, император в Древней Греции.

листые руки. — Я говорю так, чтобы подготовить вас. Авторитет Спарты более ста лет остается незыблемым не потому, что наши монархи великие миротворцы. Нам удастся сохранять влияние, благодаря могучей армии — самой сильной, какую только знала Греция.

Об этом знает весь мир. Еще ни одна армия в истории не обладала такой мощью, силой и искусством ведения боевых действий, как армия Спарты. В последние два столетия только глупые цари, полагавшиеся на богатство, а не на мудрость, решались бросить нам вызов, и все они с позором поджав хвост возвращались в свои жалкие земли вместе с остатками разгромленных армий... если наши цари сдобавляли сжалиться над ними.

— Боюсь, что время легких побед подходит к концу. — Леонид поворачивается к участникам следующего поединка. В центр круга вместе с одним из друзей Лику выходит брат царицы Полидевк. Все члены семьи Елены — истинные спартанцы, отличающиеся невероятной силой. — Засуха вызвала раздражение в народе. Среди царей Греции растет беспокойство, их люди голодны, а боги скучают. Скоро наступит час расплаты.

Тревога охватывает меня. Прежде чем я успеваю спросить, что он имел в виду, Леонид хлопает меня по спине и направляется к помосту, на котором восседает царь. Я пробираюсь через толпу зрителей, витающее в воздухе всеобщее волнение настолько опьяняет меня, что вскоре я уже забываю о словах Леонида. Я не позволю беспочвенным страхам этого старика испортить мне радость от победы. Вечер только начинается, и Карнеи таит в себе еще много приятных сюрпризов.

Я не успеваю далеко уйти, когда Лику окликает меня:

— Дафна.

Он проталкивается ко мне. Несмотря на свое поражение, он несет мою победу, словно знамя, и одаривает меня широкой улыбкой. И чем ближе он подходит, тем яснее я в смя-

ДОЧЬ СПАРТЫ

тении осознаю, почему при встрече с ним сердца стольких спартанок начинают биться быстрее.

— Твой хитон совсем поистрепался. — Я улыбаюсь ему в ответ. На моих щеках проступает жаркий румянец, когда я указываю на его порванную одежду, стараясь не задерживать взгляд на широкой груди. — Или ты придумал новую моду?

Лику с издевкой кланяется мне.

— Одна красивая женщина не сдержалась и пыталась сорвать с меня одежду.

— О! — Я перебираю пальцами подол своего хитона, пытаясь унять дрожь в руке. — Наверняка ты ее чем-то спровоцировал?

Он смеется.

— Ну да, наверное, вызов на поединок можно назвать провокацией.

— Думаю, теперь Алкей замучает меня своими упреками. — Я грустно качаю головой.

— Мне кажется, сегодня вечером ты своим примером наглядно доказала, почему спартанской армии нужны женщины вроде тебя. — Лику чешет затылок. — Пусть мне и пришлось заплатить за это своим позором.

— Конечно нужны, только педономы никогда этого не допустят. Женщина может научиться владеть оружием, но боги запрещают ей применять его на поле брани.

— Как бы там ни было, — он протягивает руку и убивает прядь волос, упавшую мне на лицо, так что я ощущаю предательскую дрожь в животе, — но сражалась ты сегодня прекрасно.

Мой взгляд скользит по его бицепсу, и во рту у меня пересыхает. Мне хочется почувствовать прикосновение мягких губ Лику, самой дотронуться пальцами до его темных кудрей... Я резко встряхиваю головой. Нет, я не могу позволить себе привязаться к кому-либо из мужчин. По крайней

мере, до того момента, пока я не избавлюсь от позорного статуса мофаки.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент к нам подходит один из друзей Лику и дергает его за руку.

— Пора готовиться к забегу.

Спортивные состязания агон являются венцом Карнеи. Пять спартанских эфоров выбирают пятерых неженатых мужчин, которым предстоит преследовать оленя. Если оленя удастся поймать, то год сложится удачно и для земледельцев, и для солдат. Если же олень убежит... значит, жди беды. Так что будет лучше, если оленя все-таки поймают. В этом году особенно важно заручиться поддержкой Аполлона. Тем более, что в скором времени Елена и Менелай должны покинуть Спарту и отправиться на встречу с безумным царем Крита.

Стараниями нашего приемного отца в этом году мой брат Пирр удостоился чести принять участие в агоне.

Лику виновато улыбается мне и опускает голову, его иссиня-черные локоны падают на глаза.

— Надеюсь, ты будешь рядом, когда мне на голову возложат венок?

Я открываю рот, уже приготовившись отказать ему, — я всегда поступала так, когда Лику переходил грань. Но его страстные темные и теплые, как дымящийся уголь, глаза лишают меня дара речи. Возможно, на этот раз я не буду так резка с ним.

— Конечно, я буду с тобой, когда ты победишь. — Его улыбка ясная, как свет луны среди ночи. — Только не говори ничего моему брату, иначе он отречется от меня из-за того, что я не поверила в его победу.

Радостно улыбаясь, Лику позволяет другу увести себя, а я отправляюсь на поиски своего брата.

Найти его не составляет труда. Кудрявые огненно-рыжие локоны Пирра подобны маяку в море черных волос остальных спартанцев. По дороге к нему мне все время при-

ДОЧЬ СПАРТЫ

ходится уворачиваться от растопыренных локтей и кубков с вином. Я тихонько подкрадываюсь к нему и дергаю его за волосы на затылке.

— Ну что, Пирр, готов к погоне?

— Давно уже готов. — Брат поворачивается и улыбается своей обаятельной улыбкой. — Представляешь, какое уважение и авторитет завоеует наша семья в случае моей победы? Никто больше не посмеет насмеяться над нами.

— Не надо забегать вперед. Боги не...

— ...любят смертных, которые мнят о себе слишком много, — говорит Пирр, расправив плечи и подняв вверх подбородок. У него замечательно получается передразнивать нашего педантичного старшего брата.

— Будь осторожнее, — говорю я, незаметно отхлебывая вино из его килика¹. — Еще одна такая дерзость — и ты навлечешь на себя гнев богов!

— Плевать на богов, Даф. — От ужаса у меня перехватывает дыхание, а он забирает свой килик. — Почему мы должны воздавать почести богам, которые привели нас в это ужасное место?

Я выбиваю чашу с вином из его рук и возмущенно шиплю:

— Ты с ума сошел? — Я оглядываюсь по сторонам, хочу убедиться, что нас никто не слышит, но внимание пирующих сосредоточено на содержимом их киликов, и никто не удостоивает нас даже беглым взглядом. — Анакс отрежет тебе язык за такое кощунство, а Алкей оторвет голову!

— Алкей ненавидит богов так же, как и я. — Пирр встряхивает головой и мрачно улыбается, так что ямочка на его левой щеке становится еще заметнее. — Да и ты тоже. Или в своем постоянном стремлении заручиться всеобщим одобрением ты забыла, что именно боги виноваты в нашем нынешнем положении?

В ту ночь, когда я родилась, Пирр и Алкей пережили куда более тяжелую потерю, чем я. Ведь я никогда не знала своих

¹ Небольшая чаша для вина.

родителей. А братья лишились и матери, и отца, которых любили, которыми восхищались, и были привезены в Спарту, находившуюся вдали от родного дома.

Я не говорю ему, насколько болезненно и правдиво его замечание. Вместо этого я складываю руки на груди и заявляю:

— Если ты так решил уклониться от участия в состязании, я...

— Я ничего не боюсь. — Он игриво шевелит своими бровями. — К тому же, если бы Алкей не был уверен в моих силах, он сам принял бы участие в охоте на оленя. Честь семьи и все такое.

— Ты несправедлив. — Я хлопаю его по руке. — И здесь нет Алкея, чтобы он смог высказаться в свою защиту.

— Он желает мне только добра, но я предпочел бы обойтись без его лицемерных речей. Временами я не понимаю, кем Алкей стремится стать на самом деле: солдатом или жрецом. А теперь я хочу выпить еще вина. — Пирр легко целует меня в щеку, подмигивает и уходит. Он исчезает из вида и забирает с собой всю радость.

Пробираясь сквозь толпу, я замечаю среди пирующих спартанцев мою служанку Лигейю, Алкея с женой и наших приемных родителей. Приходится свернуть в противоположную сторону, чтобы избежать их упреков и осуждения. Алкей, без сомнения, уже рассказал им о моем поединке перед царем и царицей.

Сбросив с себя оковы благопристойности и приличия, которые я была вынуждена носить, чтобы соответствовать требованиям Спарты и не опорочить честь семьи, я сливаюсь с бурлящей толпой. Часы напролет я танцую, кружась и извиваясь под ритмичный стук бесчисленных барабанов. Отдыхая после танцев и слизывая жир жареного ягненка со своих пальцев, я слышу, как ревет рог, — этот сигнал сообщает жителям Спарты о начале агона. Месяц богини Селены низко висит в небе, когда толпа покидает расположенные рядами шатры и направляется в темные поля за городом.

ДОЧЬ СПАРТЫ

Целый год Спарта жила в ожидании этого события — самой важной из всех традиций, которая в этом году приобрела особую значимость.

Царь Менелай и царица Елена терпеливо ожидают на берегу реки Эврот при свете огромного костра, от которого в ночное небо взмывают снопы искр и распространяется запах горящей сосны. Я иду вместе с охваченной нетерпением толпой — тысячи спартанцев собираются на окраине города, ожидая команды нашего царя. Мое сердце сильно стучит от сладкого предвкушения.

Четверо юных спартанцев выходят в поле и, встав лицом к Менелая, кланяются низко, до самой земли. Их обнаженные, умащенные маслом тела блестят в свете костра.

Внутри у меня все опускается, когда я понимаю, что не вижу огненных кудрей брата.

Куда подевался Пирр?



ГЛАВА 2

Я ищу в толпе Пирра, и мой взгляд падает на Алкея, стоящего неподалеку. Его челюсти крепко стиснуты, брови нахмурены, а руки сжаты в кулаки.

Отсутствие Пирра — это позор для нашей семьи. Если он не побежит, нас принесут в жертву богам в назидание всем остальным.

Сердце бешено колотится в груди, а в ушах шумит так, что я не слышу даже грохот барабанов на празднике. Я тяжело и часто дышу, и толпа разделяет похожие тревожные настроения: среди людей растет беспокойство, они бросают нетерпеливые взыскательные взгляды то на бегунов, то на нас с Алкеем. Совсем скоро они потребуют нашей крови. Чего-то подобного они и ждали от мофаков вроде меня и моих братьев. Наш отец воспользовался случаем и добился, чтобы выбрали Пирра, а мой брат решил пожертвовать честью семьи.

Я снова бросаю на Алкея полный отчаяния взгляд, но он лишь коротко кивает мне — в темноте я не могу рассмотреть выражение его темных глаз. Если Пирр не побежит, его должен заменить другой юный представитель нашей семьи. Алкей женат и к тому же вышел из требуемого возраста.

Теперь бремя решать дальнейшую судьбу Спарты ложится полностью на мои плечи.

Проклятый Пирр! Пусть Немезида покарает его так, что у него отсохнет его мужское достоинство.

Расправив плечи, я выхожу вперед.

— Женщина не может бежать! — кричит какой-то мужчина, а еще один насмехается: — Вы вообще не должны были выбирать кого-то из мофаков!